

ИРИНА МЕДВЕДЕВА, ТАТЬЯНА ШИШОВА

“ПОКОЛЕНИЕ ЦВЕТОВ”

Все, кто жил при советской власти, должны помнить популярный тогда лозунг: “Коммунизм – это молодость мира, и его возводить молодым”. Теперь, когда мир вовлекают в реализацию новой утопии – глобализма, этот лозунг, с заменой первого слова, вполне может быть начертан на знаменах его идеологов. Причем молодежь в новом проекте заметно потеснила более старший возраст. Если в советское время декларировалось, что “молодым везде у нас дорога, старикам везде у нас почет”, то глобализм предлагает старикам “сладкую смерть” (по-гречески “эвтаназию”), а молодым отдали и дорогу, и почет.

ЖЕРТВОПРИНОШЕНИЕ В ГИРЛЯНДАХ

Молодежь стала одним из главных идолов. Посмотрите, сколько молодежных изданий, радио- и телепередач, молодежных концертов и фестивалей, молодежных клубов, музыки, моды. Со щитов рекламы в большом городе на нас смотрят в основном молодые лица. Сколько чиновников, ученых, деятелей культуры занято проведением особой молодежной политики!

Создается впечатление, что мир населен исключительно молодыми людьми, с редкими вкраплениями других возрастов. А между тем реальная картина находится в явном противоречии с виртуальной. В так называемых развитых странах, идущих в фарватере глобализации, молодежь составляет не такой уж большой процент населения. Если придерживаться классификации ООН, причисляющей к молодежи людей от 14 до 25 лет, то в среднем около 15%. В России, по данным переписи 2002 года, – около 20%, но молодежным считался возраст от 14 до 30 лет.

Когда это противоречие осознаешь, возникает ряд вопросов. Думаешь: может, именно потому что у нас молодежи немного, с ней и носятся как с писаной торбой? Но если юных так ценят, то почему не стараются сохранить их здоровье и жизнь? Почему практически всё, что предлагается сейчас молодежи в качестве эталонного стиля, достаточно быстро приводит в больницу, а то и в могилу? Что ни возьми: курение, пиво, наркотики, гормональные контрацептивы, компьютерные игры, экстремальные виды спорта, рок-музыку, порнографию, педерастию, “свободную любовь”, магию, оккультизм – всё пагубно. А молодежная мода? Она ведь не только уродует. Пирсинги повышают доступ инфекции, которая, как известно, проникает в организм через отверстия и повреждения кожных покровов. Чем больше отверстий, тем выше риск заразиться.

Сколько девочек заработало цистит, воспаление придатков или почек, щеголяя среди зимы в нарядах, оголяющих поясницу! А у скольких наблюдается недоразвитие таза из-за того, что они годами утягивали бедра джинсами!

“Смотрю я на современных девчонок и прихожу в ужас, – еще в середине 90-х сказала нам знакомая гинеколог. – Как они рожать будут? Такое недоразвитие малого таза, что ребенку просто негде поместиться”.

Что ж, с тех пор джинсы стали еще теснее (при всей изменчивости моды эта как-то подозрительно устойчива), и случаи выкидышей участились.

Не менее опасна (и не менее устойчива) мода на сверххудобу, которая еще недавно оценивалась как дистрофия и требовала лечения. Научные исследования показали, что такая мода, выражаясь медицинским языком, “существенно повышает риск невынашиваемости плода”. А еще врачи говорят, что если девочка в переходном возрасте посидит с полгода на какой-нибудь жесткой новомодной диете для похудения, то она может навсегда остаться бесплодной.

Отнюдь не безобидна и мода на tattoo. Оказывается, людям с татуировками нельзя проводить исследования с помощью магнитного резонанса, одного из самых точных методов экспресс-диагностики. Мешает металл, входящий в состав татуировочной краски. А ведь и на машинах разбиваются, и на роликах ломают себе кости в основном люди молодые. Им-то как раз и требуется быстро поставить диагноз...

Прочитав это скорбное перечисление, кто-то привычно отмахнется, отшутится: дескать, жить вообще вредно. В таком случае давайте посмотрим, какой стиль жизни предлагался молодежи предыдущего поколения, что в него входило, а что – нет, был ли он в буквальном смысле слова убийственным.

И пиво, и сигареты продавались, но потребляли их гораздо меньше (особенно девушки), и главное, это никак не рекламировалось. Наркомания и вовсе была редко встречающимся криминалом. Многие пятидесятилетние до сих пор не умеют по виду определить наркомана, тогда как двадцатилетние делают это без труда. Танцевать молодежь, конечно, тоже танцевала, но без всяких “экстази” и одуряющей музыки. Пропагандировался спорт. Но не нынешний спорт высоких достижений, калечащий тело и душу, а спорт как физкультура, оздоровление, закалка. Молодежь часто ходила в кино и театр, но это искусство не оглупляло и не растлеvalo, а, наоборот, в той или иной степени способствовало росту личности. Сейчас мы с огромным удовольствием смотрим даже самый заурядный советский фильм 70-х годов и понимаем, что на современном фоне – это настоящий шедевр.

Очень поощрялись занятия в библиотеке. Сколько времени мы там просиживали! И не только готовясь к экзаменам, а просто так, “для души”. Между прочим, и в книгах, благодаря цензуре, тоже не содержалось гадостей, развивающих психику.

Тогда тоже был в моде туризм. В основном, правда, пеший (то есть наименее травматичный). Кто-то, конечно, плавал на байдарках, занимался альпинизмом и даже погружался с аквалангом (теперь это называется “дайвинг”), но нельзя сказать, что это было массовым увлечением. А значит, и гибло куда меньше, чем сейчас, когда в таком почете “экстрим”. Машинами если кто и обзаводился, то обычно в более зрелом возрасте, когда уже не так тянет на лихачество. Престижным считалось посещение музеев, выставок, вечеров поэзии.

О компьютерных играх никто и не слыхивал, а все остальные: шахматы, шашки, футбол, пинг-понг – наркотической зависимости не вызывали. Даже карты или тотализатор на ипподроме крайне редко овладевали молодыми людьми настолько, что они уже не мыслили без этого жизни. Жизнь и так была наполненной. Да и денег шальных особо не водилось, чтобы без конца играть в азартные игры.

Кстати, о деньгах. По сравнению с предыдущим поколением сегодняшняя молодежь в среднем живет куда богаче. Особенно в больших городах. Снимать квартиру, иметь машину, компьютер с Интернетом, сотовый телефон, модную одежду – все это в последнее время стало не привилегией некоторых счастливиц, а в общем-то нормой жизни. Нормой жизни стало и то, что молодым сейчас платят больше, чем людям зрелым. И это уже имеет свое “рациональное” обоснование: у молодых же выше потребности, им нужно больше тратить. Соответственно и зарплата им нужна выше, чем людям постарше. Логика на первый взгляд

безупречная, но на самом деле бредовая, шизофреническая: мало ли кому что нужно? В нормальном обществе повышение зарплаты – это награда за умения, знания, которые, естественно, приходят с годами. При глобалистском же антипорядке человеку платят фактически за саму молодость как за дорогой товар.

Интересно, что при этом очень многие молодые люди считают свой заработок недостаточным для обзаведения семьей и уж тем более для рождения детей. Эти взгляды старательно формируются глобалистскими СМИ, без которых широкомасштабные программы депопуляции неосуществимы. “Ребенок – слишком дорогое удовольствие, – внушают молодым, – вам оно пока не по карману”.

Зато на другие вышеперечисленные удовольствия денег вполне хватает. Они в той или иной степени доступны, а главное, в отличие от рутины семейной жизни, престижны. Получается, что “надбавка за молодость” – это своего рода целевые средства, щедро выделяемые молодым на самоуничтожение. Да, логика в материальном поощрении молодых действительно есть. Только не та, которой морочат голову обывателю. Старику за чем платить больше? Он и так скоро помрет. А подбросишь денжат – потратит их не на героин, а на лекарства, которые, наоборот, могут его жизнь продлить. Материально стимулировать средний возраст тоже не имеет смысла. Еще чего доброго детей начнут рожать одного за другим. Так что, если продолжать пользоваться современной лексикой, помощь оказывается адресно и, судя по статистике заметно возросшей молодежной смертности, весьма “эффективно”.

Вот и делайте вывод, какая роль отводится глобалистами современной молодежи. На первый взгляд кумир, а по существу – жертва. Веселящаяся, самодовольная, упивающаяся свободой, в наушниках и с банками пива, она мчится наперегонки к своему жертвеннику. Мы с вами свидетели небывалого по своей массовости жертвоприношения, молодежного холокоста. А все, как сомнамбулы, повторяем за лукавыми гипнотизерами: “Молодым, им же больше нужно... Пусть поживут в свое удовольствие!”

На ум пришла аналогия с ритуалами древних ацтеков. Они вели так называемые “войны цветов” (“las guerras floridas”), основной целью которых был захват пленных для принесения их в жертву. Пленники-“цветы” содержались в очень хороших условиях. Цветы – они ведь нежные и требуют особой заботы, особого ухода. Порой им оказывали поистине царские почести, поили-кормили отборными яствами, к юношам приводили прекрасных девушек – короче, давали пожить в свое удовольствие. Но в означенный день и час пленники поднимались по ступеням на пирамиду, чтобы украсить собой алтари индейских идолов. Там, наверху, жрец рассекал им грудь обсидиановым ножом и вырывал еще живое, трепещущее сердце...

Как знать, может быть, не случайно первое поколение молодежи, подвергшееся в конце 60-х глобалистским экспериментам по “сдвигу культурной парадигмы”, было поэтично названо “дети цветов”? Нет ли здесь исторических аллюзий? Во всяком случае, проектанты “прекрасного нового мира” испытывали повышенный интерес к язычеству, в том числе и к древним языческим культам.

Правда, те ацтекские “цветы” сознавали, что их приносят в жертву. А эти не сознают или не хотят сознавать. И думают, что всё “классно”.

ПОД ДУДОЧКУ КРЫСОЛОВА

Но как же удалось настолько оболванить молодежь, чтобы она, утратив инстинкт самосохранения, добровольно шла на убой? Спускаясь в ров гибели, юноши и девушки уверены, что восходят к светлому будущему. Это же какое-то очень глубинное поражение, которое невозможно объяснить только хитрыми уловками манипуляторов. Уловок, конечно, множество, но это лишь средство, инструменты для успешного проведения операции. А операция проведена самая что ни на есть серьезная: из молодости удалось изъять ее основной смыслообразующий стержень. Он, этот стержень, есть

у каждого возраста. Скажем, у старости – мудрость. А что же главное для молодости? Чем отличается молодежь от взрослых, пусть и молодых? Ведь не красотой же и здоровьем, которые сегодня благодаря достижениям медицины можно сохранять достаточно долго. (А можно, наоборот, быстро испортить, следуя модному молодежному стилю жизни.)

Молодежь – это порыв, устремленность в будущее, свободный полет. Уже не дети, но еще не родители. Их еще не вынуждает приземлиться груз взрослой ответственности. Есть это у нынешней молодежи? – Есть и даже в большей степени, чем у предыдущих поколений, поскольку она не спешит расстаться с вольной жизнью.

Святые отцы давно предупреждали, что именно в юности в душе разгораются страсти. Этого сейчас тоже с избытком. И амбициозность, свойственная молодости, в последние десятилетия усиленно разогревается, и эгоизм. Чего же все-таки нет? Что изъято из самого нутра, из самой сердцевины юности?

Изъято как раз то, что облагораживает страсти, – романтизм, идеализм, возвышенный образ мыслей. А без этой идеальной вертикали онтологически присущие юности мечты “о доблести, о подвигах, о славе” вырождаются в какой-то нелепый кураж, разгул плотских страстей. Доблесть – нахамить, “нажраться и отрубиться”, “забить (в смысле – наплевать) на всё”, уметь выигрывать в азартные игры, быть расчетливым, ловкачом, использовать людей в своих интересах. Подвиги, в основном, в постели. Ну и порой в прыжке с парашютом, полете на дельтаплане. Конечно, на дискотеке то же, если всю ночь, – поди попробуй столько часов на ногах, да еще в бешеном ритме!

Мечты о славе тоже весьма специфичны. Кого сейчас прославляют молодежные СМИ? Разбогатевших жуликов, бесстыжих кривляк с титулом “звезд”, не менее бесстыжих телеведущих, извращенцев, мотивирующих свои патологические пристрастия новыми направлениями в искусстве, представителей “пятой колонны” в политике. Юношескую жажду славы который год распалаяют именно такими “героическими” эталонами.

Хотя постсоветская жизнь дала и продолжает давать огромное количество примеров подлинного героизма, причем в самых разных областях. Разве это не чудо? Столько усилий было предпринято, чтобы уничтожить нашу армию, науку, промышленность, педагогику, медицину, литературу и искусство, честную политику, наконец. И везде нашлись люди, которые встали на защиту государства. Не все ученые подались в “челноки” или уехали работать за границу. Кто-то продолжал за копейки удерживать отечественную науку от окончательного развала, а кто-то даже умудрялся делать открытия. За последние двадцать лет, в условиях, отнюдь не способствующих развитию таланта, появились выдающиеся врачи, учителя, конструкторы. В то время как щедрые гранты выделяются на богомерзкие выкрутасы, честные художники, зачастую абсолютно бесплатно, создают образцы подлинного искусства – в живописи, скульптуре, литературе, кино. По-прежнему есть блестящие музыканты, певцы, танцоры. А сколько героев чеченской войны! Сколько бесстрашных спасателей, спецназовцев! Но – увы! Читателям журналов “Реакция”, “Птуч”, “Молоток”, “Хулиган”, “Yes” и “Вот так!” их имена незнакомы.

В последнее время, правда, наметился некоторый сдвиг в кино. Появились новые фильмы на военную тему, где армия вроде бы не шельмуется. Времена наглого предательства прошли. Теперь даже поклонники Бжезинского вынуждены, скрепя сердце, выдавать себя за патриотов и государственников. Но солдаты показаны там в основном как озверевшие, скотоподобные существа. “После этого фильма уже никто не захочет служить в армии, – отозвалась о новой кинокартине “Живой” Любовь Васильевна Родионова, мать героя-мученика первой чеченской войны Евгения Родионова. – Я тридцать шесть раз летала в Чечню, но никогда таких солдат не видела. Конечно, они не ангелы, но в фильме это жестокие, грубые животные. Их интересует только жратва и грубый секс”.

Что касается секса (необязательно грубого), то с этой стороны по молодежи был нанесен главный удар. Ведь мечты об идеальной, вечной любви – это не просто стержень, а самая сердцевина юности. Не пирожные, а хлеб насущный, без которого душа не вырастет полноценной. В психиатрии

и психологии существует понятие стадий психического развития. Пропущена одна из стадий – и человек уже не может сформироваться нормально. К примеру, дошкольный период называют “мифологическим”. Если маленький ребенок не слышит сказок, если родители общаются с ним как со взрослым, делая упор на логику, то возникает опасность недоразвития эмоциональной сферы. Что характерно, в частности, для шизофреников. То есть ребенок, изначально сохранный, может стать шизофреноподобным в результате неправильного воспитания. Подростково-юношеский период называется “романтическим”. Один из основоположников отечественной сексопатологии проф. Г. С. Васильченко указывал на то, что выпадение романтической фазы свойственно олигофренам. Дефектологи, работающие с олигофренами, часто жалуются на их раннюю сексуальность, неразборчивость в интимных связях, отсутствие возвышенных платонических чувств к противоположному полу. Собственно говоря, на то, что сегодня удалось навязать почти всей нашей молодежи. Чего же потом удивляться снижению интеллектуального уровня старшеклассников и студенчества? Плоды искусственной дебилизации налицо.

Никогда не забудем, как году в 99-м к нам на прием пришла мать четырнадцатилетней девочки, которая росла в интеллигентной семье, до двенадцати лет вела себя нормально, училась в двух школах – английской и музыкальной. А потом начала читать журнал “Cool” (он тогда только появился, и подросткам его часто раздавали бесплатно на улице и в школе) и быстро “слетела с катушек”. Круглая отличница превратилась в двоечницу, связалась со взрослым парнем, перестала ночевать дома, начала курить и выпивать. На момент визита матери к нам девочка лежала в больнице с переломом позвоночника, потому что неудачно спрыгнула со второго этажа, когда родители пытались не пустить ее в очередной загул. Но окончательно добил несчастную мать дочкин дневник, который она обнаружила, когда решила воспользоваться отсутствием девочки, прибраться у нее в комнате.

– Объясните мне, что это... Как это? Умный, культурный ребенок, столько книг читала – и вдруг такое...

Признаться, мы тоже были тогда не готовы к таким “документальным свидетельствам”. Дневник состоял из длинных, но каких-то абсолютно бессмысленных и бессвязных описаний: куда пришли, что выпили, кто “подвалил” попозже, какой марки сигареты курили, кто заплатил за съеденное и выпитое. Назвать этот текст дебильным значило бы оскорбить дебилов. Ровесница хозяйки дневника из вспомогательной школы отразила бы события гораздо более содержательно. (Конечно, если бы ее и без того сниженный интеллект не пострадал еще больше от молодежной массовой культуры.) Ни мыслей, ни чувств, которые обычно поверяют девичьему дневнику, там не было и в помине. Впрочем, кое-какие чувства все же присутствовали. Дело в том, что “клёво-кайфово-прикольная” жизнь в какой-то момент кончилась. Парень, с которым связалась девочка, ее бросил и переметнулся к другой. Она злилась, страдала и с горя даже начала писать стихи. В них она проклинала разлучницу, признавалась оставившему ее кавалеру в любви и превозносила его мужские достоинства. И все это сплошным матом, хотя и в рифму. Даже в зоне лирические чувства обычно выражают более деликатно.

Теперь уже подросло целое поколение, которое не знает счастья платонической любви. Им и слово-то такое часто незнакомо. Если услышат, могут подумать, что это вид извращения.

“Неужели ты в тринадцать лет еще девственница?” – вопрошают журналы.

К юноше применяются еще более жесткие критерии. “Он что, больной? – хмыкают подружки, узнав, что за два месяца ухаживаний парень ни разу не попытался уложить девушку в постель. – Ты смотри, а то он, может, нетрадиционной ориентации...”

Страх и трепет первой любви, терзания и надежды, мечта мимолетно коснуться руки, счастье поймать улыбку – всё то, что веками наполняло не только произведения поэтов и художников, но и юные души самых обыкновенных людей, оставаясь в их памяти на всю жизнь, теперь объявлено устаревшим. А то и приравнено к сумасшествию. Как жестоко ограбили молодежь! Украв у них сокровенную тайну любви, осыпали грошовыми секретами “безопасного секса”.

Вот вам и ответ на вопрос: как молодежь под дудочку крысолова скачет вприпрыжку к своей гибели. С одной стороны, перевернута система координат. С другой, из-за выпадения романтической фазы сознание развито недостаточно для того, чтобы эту перевернутость отрефлексировать и восстановить норму. С третьей же – подсознательное нежелание жить в мерзком антимире, с удаленным внутренним стержнем, в отсутствие любви.

ВЕЧНО ЮНЫЕ

Но старшие – те, кто еще не потерял способности к рефлексии, – не могут равнодушно смотреть, как гибнут молодые. И каждый на свой лад пытаются их спасти. В последние годы этой проблемой серьезно озабочена и Православная Церковь. Но как разговаривать с “поколением цветов”? Как подступить к нему?

– С молодыми нужно сейчас обращаться очень бережно, – уверял нас батюшка, служащий в Подмоскovie. – Одно неосторожное слово – и всё, вы можете их потерять. Да пусть приходят в храм как угодно одетые!

– И даже с голым животом?

– Вы ждете, что я скажу “нет”, а я скажу “да”! И с голым животом, и подвыпившие, матерящиеся. Лишь бы пришли. Пришли к нам, а не на дискотеку. Сейчас не до жиру. Время-то какое! Знаете, что происходит на дискотеках? Им там и наркотики раздают, и музыкой этой жуткой сводят с ума. Ну, а еще...

Священник умолк, видимо, раздумывая, сказать или не сказать. Потом все же решился:

– Еще беременеют девочки, сами не зная, от кого.

???

– Да, представьте себе. Это я из исповедей знаю. В какой-то момент гасят свет, и происходит свальный грех. В поселке, где я служу, несколько таких матерей-одиночек, которые даже не знают, кто отец их ребенка.

Когда слышишь про весь этот ужас, думаешь: может, и правда? Может, пускай в каком угодно виде и состоянии, но придут в спасительный ковчег Церкви, а не на дискотеку?

Однако, немного поостыв и потому поразмыслив более трезво, понимаешь, как небезопасна такая позиция. Конечно, сразу выдвигать искалеченной молодежи слишком жесткие требования, это, как любил выражаться в бытность свою премьер-министром Е. М. Примаков, *контрпродуктивно*. Впрочем, с людьми вообще желательно общаться, учитывая их особенности: пол, возраст, социальное положение, личностные характеристики. Но, стараясь найти общий язык, нельзя упускать из виду конечную цель общения. А она, как мы недавно сказали, заключается в том, чтобы спасти молодежь от гибели. Но спасение невозможно без покаяния, а покаяние – по-гречески “метанойя” – означает “изменение”. А можно ли по-настоящему измениться, не меняя свой безобразный вид и греховный образ жизни?

Пока по этому вопросу расхождения в православной среде вроде бы нет: конечно, нельзя. Разномыслие начинается, когда заходит речь о “дороге к Храму”. Одни, как процитированный выше священник, считают, что ничего не нужно навязывать, молодые потихоньку сами всё поймут. Другие, которых обычно упрекают в излишнем консерватизме, выступают против попустительства, говоря, что это вредно как для самой молодежи, так и для Церкви, в которой современная молодежь начнет утверждать свой стиль жизни. И разве эти опасения беспочвенны? Мы, во всяком случае, уже не раз слышали от своих юных собеседников, что у них батюшка без предрассудков и благословляет – кого на пробный гражданский брак, кого на предохранение от беременности, кого на работу в “отвязанном” молодежном журнале и прочих весьма сомнительных с точки зрения нравственности местах (дескать, куда Господь поставил, там и стой).

Ну, и с чего они вдруг, если батюшка благословляет или, в лучшем случае, молчит, начнут менять свою жизнь? Скорее наоборот, получив добро, молодежь еще больше утвердится в своих страстях. И вдобавок, как это обычно бывает с людьми, у которых нелады с совестью (ведь сколько

ее ни глуши, она все равно подает непрошенные признаки жизни), будет активно перетягивать на свою сторону окружающих. Когда видишь людей, особенно ровесников, у которых другой внешний вид и другое поведение, совесть получает нежелательную подпитку, глушить ее становится труднее. Значит, борьбу с ней нужно усилить, а подпитку минимизировать. Чтобы можно было сказать себе и окружающим: “Я такой не один. Вон нас сколько! Кого больше, тот и прав. А всякие отдельные ханжи и святоши могут отправляться в монастырь”.

На Западе погибельный культ “раскрепощенной” молодежи начал насаждаться несколько раньше, в конце 60-х, после удачно проведенной “Парижской весны”, которую политологи теперь называют первой “бархатной революцией”. Именно революцией, потому что был совершен настоящий переворот в общественном сознании, подорваны моральные устои западного христианского общества. И хотя тогда мало кто в полном объеме представлял себе, какие ядовитые плоды принесет “поколение цветов”, мыслящие люди, естественно, испытывали тревогу. И тоже задумывались как о путях спасения молодежи, так и о роли взрослых в этом процессе. Умный человек, как известно, учится на чужих ошибках, и лишь дурак на своих. За последние десятилетия мы (в смысле общество) и без того наделали много глупостей, прельстившись яркими фантиками либерализма. Может, хотя бы в Церковь не будем заносить эту отраву? Внемлем предупреждениям умных людей “с других берегов”?

“Человек становится взрослым тогда, когда он любит детство и детей и перестает с волнением прислушиваться к исканиям, мнениям и интересам молодежи, — писал 40 лет назад по свежим следам “Парижской весны” о. Александр (Шмеман), живший в Америке и, между прочим, не замеченный в сугубом консерватизме. — Раньше спасало мир то, что молодежь хотела стать взрослой. (Сейчас, наоборот, взрослые хотят до гроба оставаться молодежью. — **И. М., Т. Ш.**) А теперь ей сказали, что она именно как молодежь и есть носительница истины и спасения. “Vos valeurs sont mortes!”¹ — вопит какой-то лицеист в Париже, и все газеты с трепетом перепечатают и бьют себя в грудь: действительно, nos valeurs sont mortes!² Молодежь, говорят, правдива, не терпит лицемерия взрослого мира. Ложь! Она только трескучей лжи и верит, это самый идолопоклоннический возраст, и вместе с тем самый лицемерный. Молодежь “ищет”? Ложь и миф. Ничего она не ищет, она преисполнена острого чувства самой себя, а это чувство исключает искания. Чего я искал, когда был “молодежью”? Показать себя, и больше ничего. И чтобы все мною восхищались и считали кем-то особенным. И спасли меня не те, кто этому потакал. . .”

А еще раньше, незадолго до совсем не бархатной, а натуральной, кровавой русской революции 1917 года, один из авторов сборника “Вехи”, философ Сергей Булгаков, впоследствии ставший священником, пророчески предупреждал: “Если в христианстве старчество является естественным воплощением духовного опыта и руководства, то относительно нашей интеллигенции такую роль заняла учащаяся молодежь. Духовная педократия есть величайшее зло нашего общества. . . Каждый возраст имеет свои преимущества, и их особенно много имеет молодость с таящимися в ней силами. Кто радуется о будущем, тот более всего озабочен молодым поколением. Но находиться от него в духовной зависимости, заискивать перед ним, прислушиваться к его мнениям, брать его за критерий — это свидетельствует о духовной слабости общества” (С. Булгаков. “Героизм и подвижничество”).

К предупреждениям не прислушались, духовная слабость общества вскоре привела к катастрофе. Другое дело, что большевистские вожди довольно быстро прекратили заискивать перед молодежью, положив конец революционной вольнице, а заодно — разгулу “свободной любви” и прочего декадентства. Взамен они вернули советским юношам и девушкам идеалы чистоты, верности, самопожертвования и укрупнили старый лирический романтизм новым, героическим. Идея полного переустройства общества на более справедливых основаниях, без “голодных и рабов”, увлекла множество молодых людей. Увлекла настолько, что и в старости, несмотря

¹ Ваши ценности умерли! (фр.)

² Наши ценности умерли! (фр.)

на открывшуюся страшную изнанку советского периода, бывшие комсомольцы не отреклись от своих комсомольских идеалов, не желая признавать, что безбожный социализм был обречен рухнуть.

Обреченность молодежи эпохи потребления очевидна уже сейчас. Об этом говорят – и у нас, и на Западе – философы, ученые, духовенство, политики, публицисты. Но даже не читая умных книг и статей, а лишь послушав популярные шлягеры, можно всем своим существом почувствовать: еще четырех десятков лет на размышления о судьбах молодежи у нас не будет. “Битлз”, общепризнанные кумиры поколения сексуальной революции, все-таки прикрывали вырвавшуюся на свободу похоть романтическим флером. Теперь тексты нарочито грубы, физиологичны. Скотство торжествует победу. “А ты такая страшная, страшная...” (это о своей девушке), “Размножайся!”, “Я на тебе, как на войне”, “Замуж захотела – вот и залетела”, “Я на тебе никогда не женюсь. Я лучше съем перед загсом свой паспорт. Я убегу, улечу, утоплюсь, но на тебе никогда не женюсь!” Дальше – только звериный рык и вой.

Не нужно строить иллюзий: потакание молодежи в сегодняшней ситуации только ускоряет ее гибель. Те, кто это делает, даже из лучших побуждений, становятся соучастниками жертвоприношения.

Совершенно необходимо восстановить романтическую вертикаль, отказать от воспевания прагматизма, вернуть возвышенные идеалы, показать, как обеднена жизнь их отсутствием. Наш опыт общения с молодежью свидетельствует, что это совсем не трудно. Романтический голод в юношеской среде настолько велик, что для его утоления нет необходимости изобретать какие-то изысканные блюда.

Ну и, конечно, следует вернуть молодежи место, которое она традиционно занимала в самых разных обществах. Место отнюдь не центральное, не главное, а, наоборот, промежуточное. Короткий мостик при переходе из детско-отроческого возраста к взрослому. Растягивание этого перехода, придание ему наивысшего статуса началось, когда идеологи “нового мирового порядка” стали разрабатывать комплексные программы сокращения населения. Оно и понятно. Чем дольше будут длиться опасные молодежные забавы, тем больше людей уйдет из жизни до срока. Чем престижней и беззаботней будет молодежная жизнь, тем меньше захочется “играть на понижение”, переходя в разряд взрослых. Пока ты не женат и у тебя нет детей, ты и в тридцать, и в тридцать пять лет – молодежь. Когда же наконец надумаешь обзавестись семьей, много родить не успеешь.

“Раньше мир спасало то, что молодежь хотела стать взрослой”, – пишет о. Александр (Шмеман). Но для этого нужно прекратить ей угождать и перед ней заискивать. Иначе с какой стати барин вдруг захочет поменяться местами с прислугой? Взрослый, а не юношеский статус должен сделаться более престижным, дающим новые права и возможности. А затянувшаяся “молодежность” – это признак инфантилизма, личностной и социальной несостоятельности.